

Б. А. Парыгин¹

ГОТОВА ЛИ ЛИЧНОСТЬ К САМОИДЕНТИФИКАЦИИ?

В предшествующих выступлениях очевиден акцент на возрастающей значимости идентичности, идентификации, будь то глобальная среда или локальная. Не случайно и то, что все более модной становится проблема парадоксальности личности как знак переживания кризиса во взгляде на человека в современном мире. Откуда это осознание кризисности?

Оно возникает потому, что идентификация и идентичность была вечным инструментом самозащиты личности перед лицом любых перемен, любых сложностей. Принадлежность к чему-то глобальному как бы гарантировала «защищенность». Применительно к нашей истории: ощущение кризиса связано с распадом нашей глобальности государственного масштаба. Конечно, это было колоссальным социально-психологическим потрясением. И произошла компенсация поисков себя в других вариантах и жанрах идентичности более скромного масштаба. Мне кажется, надо задуматься о том, почему же человек так парадоксален?

С одной стороны, он готов понимать, чувствовать и демонстрировать свою особую значимость и величие. Вспомним наши «марши энтузиастов»: «Нам нет преград ни в море, ни на суше». Вот такое ощущение. С другой — человек может легко утрачить уверенность в себе, в завтрашнем дне, когда пребывает в ситуации радикальных перемен и утраты привычной идентичности. В чем дело? А в том, что наше общество и человек как личность, да и гуманитарная наука тоже, оказались психологически не готовы к столь радикальным переменам. Мы привыкли и понимать и внушать себе и другим, что человек — это продукт, объект, прежде всего, всяческих детерминант — социальных и биологических, внешних по отношению к нему. Все психологические парадигмы, которые мы просматриваем, работают главным образом в одном направлении: внушении того, что человек — продукт-объект-результат внешних детерминант. А субъект — эта сторона человека как личности, как уникальной, неповторимой индивидуальности, — где она? Оказывается, она все-таки есть. Но о ней имеют право говорить преимущественно выдающиеся ученые.

Н. А. Бердяев, например, в воспоминаниях и переживаниях своей жизни говорит и выступает с позиции саморефлексии. А где у нас саморефлексия

как инструмент постижения себя как уникальной индивидуальности, как субъекта, как личности? Ее нет, она выкинута из науки как ненаучный метод. На смену ей пришел бихевиоризм и другие подходы, которые перевели восприятие и понимание человека из поисков себя внутри себя вовне, с позиций изучения поведения под влиянием факторов внешней среды. А с точки зрения самозащиты личности, душевного и физического комфорта идентификация, как и многие другие инструменты защиты, — самый надежный инструмент, который позволяет эту роскошь обеспечить. Поэтому глобализация, идентификация — это все инструменты адаптации и самозащиты человека, заданные извне. Когда меняется среда, они ставят человека в тупик, в ситуацию драмы. Он не знает, с какой все более многомерной и альтернативной средой идентифицировать себя. Он, оказывается, не способен искать себя в себе, а не во внешних рамках, гарантирующих его защищенность с позиций, понятных нам по этой системе, патриархального отношения власти к отдельно взятому индивиду, который есть вообще маленькая клеточка, почти ноль, если так можно выразиться.

Готов ли человек сегодня к внутренней перестройке, к переходу на позиции самоидентификации, что предполагает готовность к высокому уровню такой саморефлексии, образцы которой нам показывают на своем примере такие корифеи мысли, как Паскаль, Шопенгауэр или Бердяев?

Но, повторяю, не случайно роскошь позиции саморефлексии без идентификации мог позволить себе Н. А. Бердяев. Он начинает свои воспоминания с признания того, что даже родители не были для него примером для подражания или тем более идентификации. А что же он такое? Он отвечает: «Тайна. Непостижимая тайна личности». Об этом же говорили и другие. И. П. Павлов признавал, что чужая душа — потемки, сколько мы ни изучаем человека как личность. В чем же эта тайна, каков внешний признак ее парадоксальности?

Сейчас модно говорить о парадоксальности человека. Мы описываем различные виды идентификации. Этого хлеба хватит надолго: можно без конца описывать все виды возможных идентификаций — и глобальных, и локальных, каких угодно. Не меньший простор открывается для поиска ответов на сегодняшние вопросы и квалификации различных видов парадоксальности человека. Человек

¹ Профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ.

парадоксален в быту, в политике, в экономике — куда ни глянь, он везде парадоксален. Он везде необъяснимо, как-то противоречиво и даже бессмысленно выглядит, этот человек. С одной стороны, он великий, с другой — ничтожество перед лицом простых, казалось бы, вопросов, которые необходимо решать. Это тоже драма. Парадоксальна фиксация этой таинственной драмы, загадочность скрытой сущности души, непостижимой, непонятной для сегодняшней науки. А понять необходимо! Иначе не будет предмета для разговоров о личности. Ортега-и-Гассет, известный мыслитель, обратил внимание на то, что в периоды глобальных кризисов, когда власть или элита не видит способов решения проблем, растущих все быстрее, в массах может возникнуть ощущение самодостаточности, то есть чувство способности к власти. И тогда возникает феномен тирании масс, когда массы чувствуют в себе колоссальную силу и ищут того или другого лидера, который бы выразил их ощущения. Личность как уникальная индивидуальность беззащитна перед лицом таких испытаний, ориентированных на смену предмета идентификации. Она способна легко находить себя при смене ее предметной идентификации на идентификацию по предметному состоянию. В состоянии ажиотажа, энтузиазма, подъема, страсти (как болельщики на футбольном матче) массы успешно реализуют свой энергетический потенциал, потребность в действии. Эта идентификация очень нужна человеку. Потому что в условиях кри-

зиса предметной идентификации по целям или идеалам идентификация по ситуативному, временному состоянию важнее, чем идентификация по отдельным предметам, средам или сферам жизнедеятельности. Состояние здесь важнее!

В этих условиях проблема личности как уникального индивида снимается либо возникает как проблема суперличности, которая впитывает колоссальную силу массовых настроений и реализует ожидания масс. И вместе с этим личность — это микрокосм, потрясающая глубина, бездна непознанного, не осмысленного пока наукой. Детерминация, как биологическая, так и социальная, — конечно, важный фактор формирования личности в качестве прежде всего объекта, а не субъекта, продукта, а не уникальной, неповторимой индивидуальности. Но сегодня мы не можем ограничиваться этим взглядом на человека. Перед лицом испытания временем требуется другой подход. И даже популярность многообразных рассуждений об идентичности человека с факторами его формирования не открывает выхода к решению этой проблемы, как и многочисленные описания различных видов парадоксальности.

Почва богата, потому что везде мы выглядим парадоксально. А почему? Потому что не привыкли глубоко погружаться в свои безграничные возможности. В этом тайна человека. Возможности наши безграничны, но у нас нет навыков погружения в них, и наука нас не ориентировала на это.

* * *

В. С. МУХИНА: — Уважаемые коллеги, хорошо, что здесь речь идет о вещах, известных в психологии и философии. Человек — это продукт всяческих детерминант — генотипа, социальных условий и др. Бесспорно, в этом плане мы выглядим довольно жалко — как марионетки, следствия этих детерминант. Но и религия, и наука дают нам основания думать о себе более ответственно. Человек делает самого себя, у него есть внутренняя позиция, и наши философы и психологи об этом говорят. К сожалению, удерживать внутреннюю позицию — чрезвычайно тяжелая работа, для этого требуются постоянные усилия. Однако мы действительно парадоксально слабы, постоянно совершаем ошибки. Поэтому, воспитывая молодежь, надо говорить о внутренней позиции личности. Я, во всяком случае, делаю это на всех лекциях. И что каждый отвечает за себя, создавая ценностную картину мира, создавая себя в этом мире. В каких-то ситуациях, когда мы готовы к решению социальных и прочих вопросов и «вооружены», то это еще и внутреннее состояние, связанное с готовностью достойно решить проблему. Но когда она на нас обрушивается неожиданно, мы «разваливаемся». Я много работала в экстремальных условиях землетрясений, Беслана, Чернобыля и так далее — это еще одна из моих профессий. Что происходит с человеком в такой ситуации? Идентичность исчезает вообще. Когда мы были в Спитаке, то на наших глазах спасли, вытащили людей из-под завалов здания комитета коммунистической партии (там просели этажи). Это были не те люди, которые презентировали себя в жизни, а беспомощные создания, не знающие, что делать. И мы давали им указания

по поведению, и только таким образом они начинали выходить из состояния стресса. То есть личность каждого из нас — очень хрупкое образование, которое может разрушиться. Это тоже надо знать. Не стоит возноситься, когда у нас все хорошо и мы успешны, надо помнить, что случись что-либо — и все, меня как личности нет. Но есть у нас еще некоторая способность, которую тоже надо иметь в виду, — это способность к возрождению. Сущность наша и сила в том, что, упав, мы можем подняться, вернуться к исходным позициям и начать все заново.

Есть замечательная притча. Монах приходит к авве Сысою и говорит: «Отче, я пал». — «Встань», — сказал Отче. Монах опять приходит: «Я снова пал». — «Встань». В третий раз приходит: «Я пал». — «Встань». — «Доколе же мне то падать, то вставать?» — «Пока не умрешь». Собственно, я думаю, что сущность нашей жизни как личностей — вставать, доколе мы не умрем. Надо это «вкладывать» в голову нового поколения и самим себе всегда это говорить. Нужно в трудные моменты уметь обрести силы — в этом, наверное, заключается сущность, феномен человека как личности. Я считаю, что это тот путь, по которому мы должны двигаться. Но я хочу сказать и еще кое-что. Да, мы, безусловно, должны иметь установку на то, чтобы быть личностью. Но все же сегодня мы собрались по поводу идей великого Лихачева, который говорил: «Чем больше культура, тем сильнее личность». Чем более развита идеосфера, концептосфера, тем мы сильнее. Лихачев об этом думал, даровал нам эти идеи, писал об этом во многих книгах. Давайте всегда помнить об этом.